42
6/60
6/60.

СУЗДАЛЬСКО-НИЖЕГОРОДСКІЕ КНЯЗЬЯ

въ исторіи древней Вятки.

(Рефератъ для третьяго Областнаго Археологическаго Съѣзда въ г. Владимірѣ).

А 2 6/60
7450

А. С. В-на.

ВЯТКА.
Типографія П. Д. Харитонова.
1906 г.

Госуд. Библиотека
М 1398
1/IV 1931 г.

Суздальско-Нижегородскіе князья въ исторіи древней Вятки.

1109/8

Объ отношеніяхъ Суздальско-Нижегородскихъ князей къ древней Вяткѣ мы имѣемъ самыя скудныя и неопредѣленныя указанія въ нашихъ лѣтописяхъ.

Именно—въ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе, что князь Семенъ Димитріевичъ Суздальскій, сынъ великаго князя Суздальско-Нижегородскаго Димитрія Константиновича (1324—1383 г.), братъ жены великаго князя Димитрія Донского, проживалъ на Вяткѣ и тутъ же умеръ.

Вотъ это лѣтописное извѣстіе: „Въ лѣто 6909 (1401) посылалъ князь великій Василей Дмитреевичъ Московскій имати Александру княгиню княжу Семенову Суздальского, Ивана Андреевича Уду да Ѳедора (Ивана) Глѣбовича, а съ ними воя многи. И поидоша на Мордву и наидоша ю въ Татарской землѣ, на мѣстѣ Цибирцѣ, у церкви Николы, юже поставилъ татаринъ Хазибаба, и ту изымаша ю со всею казною и приведоша ю на Москву съ дѣтми, и сидѣ на дворѣ Белеутовѣ, дондеже сослався князь Семенъ и покорися. И въ лѣто 6910 (1402) князь Семенъ Дмитреевичъ Суздальскій, слышавъ, яко княгиню его полонили съ дѣтми и поимана сидитъ на Москвѣ, а казна взята, а самъ бѣгаше по татарскимъ землямъ, и посла къ великому князю съ челобитіемъ и съ покореніемъ на всей его воли. Князь же великій дасть ему опасъ, онъ же пріиде на Москву. Князь же великій пожаловалъ его, далъ ему княгиню его съ дѣтми. И князь Семенъ Дмитреевичъ поѣхалъ на Вятку съ княгинею и съ дѣтми, боленъ бо уже бяше, и пребывъ тамо пять мѣсяцъ, преставися декабря въ 21 день“ [1]).

[1]) Напечатанныя здѣсь извѣстія помѣщены въ Софійской второй, Воскресенской, Никоновской лѣтописяхъ и у Татищева подъ 6909—10 годами,

Кромѣ того, изъ многихъ договорныхъ грамотъ Суздальскихъ князей, отобранныхъ у нихъ Московскими великими князьями, уцѣлѣла одна грамота, въ которой есть указаніе на отношенія Суздальскихъ князей къ Вяткѣ. Это договорная грамота Димитрія Шемяки съ правнуками великаго князя Суздальско-Нижегородскаго Димитрія Константиновича, внуками сына послѣдняго Василія Кирдяпы, Василіемъ и Ѳеодоромъ Юрьевичами, написанная въ то время, какъ Шемяка добивался, чтобы „Богъ далъ ему достати своее отчины великого княженья", приблизительно около 1446 года. Въ этой грамотѣ, цѣлуя крестъ, Шемяка обязывался „въ прадѣдину Суздальскихъ князей (Василія и Ѳеодора Юрьевичей), и въ дѣдину, и въ ихъ отчину, въ Суздаль, въ Новгородъ (Нижній), въ Городецъ, и въ Вятку и во всю пятетемъ Новгородскую (Нижегородскую) не вступатися ничимъ", предоставляя всю пятетемъ и Вятку во владѣніе князьямъ Суздальскимъ [1]).

Вотъ все, что даютъ намъ лѣтописи и древніе акты. Для выясненія ихъ указаній приходится прибѣгать уже къ болѣе или менѣе вѣроятнымъ соображеніямъ и догадкамъ.

Изъ сопоставленія указаній лѣтописей съ указаніемъ договорной грамоты Шемяки выходитъ какъ будто, что князь Суздальскій Семенъ Димитріевичъ въ началѣ XV вѣка жилъ и даже владѣлъ какими-то мѣстами на Вяткѣ, а около половины XV вѣка имѣли или по крайней мѣрѣ предъявляли права на владѣніе Вяткой позднѣйшіе Суздальскіе князья, внуки Василія Кирдяпы—старшаго брата Семена Димитріевича.

Какую Вятку имѣютъ здѣсь въ виду лѣтописи и договорная грамота? Во всякомъ случаѣ не городъ Вятку (какъ ошибочно понимаютъ многіе), потому что городъ „Вятка" су-

---

а въ Новгородской четвертой, Софійской первой, Авраамки и Архангелогородской подъ 6913 годомъ.

1) Собр. Гос. Грам. и Догов. I, 135—137.

ществуетъ только съ 1780 года, когда онъ былъ переименованъ такъ Екатериной II изъ города Хлынова; да и больше чѣмъ сомнительно, были ли укрѣпленные города на Вяткѣ въ началѣ XV вѣка [1]). Подъ „Вяткой“ разумѣются здѣсь, конечно, жители береговъ рѣки Вятки, „Вятка—область“ и всего вѣроятнѣе—населенная русскими. А такія русскія поселенія въ началѣ XV вѣка были и могли быть только въ среднемъ теченіи рѣки Вятки, начиная съ устья Чепцы и по устье Моломы: въ 1459 г., даже въ 1489 году, когда Москва „всю (русскую) Вятку розвела“ по московскимъ областямъ, московская рать взяла на Вяткѣ русскіе „городки Котельничъ да Орловъ и городъ Хлыновъ“, только три укрѣпленныя поселенія [2]), съ окружающими ихъ деревнями, а къ сѣверу отъ Чепцы начинались поселенія Арскихъ князей и Арскихъ людей (вотяковъ), къ югу же, за устьемъ Моломы и Котельничемъ, шли селенія черемисъ.

Какъ попали на Вятку и, всего вѣроятнѣе, въ русскія поселенія въ среднемъ ея теченіи, князья Суздальско-Нижегородскіе, во главѣ съ Семеномъ Димитріевичемъ? Для объясненія этого, надобно, разумѣется, познакомиться, хотя кратко, съ судьбами Суздальско-Нижегородскихъ князей въ предшествовавшее XV столѣтію время, по крайней мѣрѣ—въ послѣдней четверти XIV вѣка.

„Нижегородское великое княженіе“, какъ гласитъ Нижегородскій лѣтописецъ, „бысть отъ Суждаля“. Въ половинѣ XIV вѣка князь Константинъ Васильевичъ (1332—1355 г.) перенесъ свой „престолъ“ изъ Суздаля въ Нижній Новго-

---

1) Въ документѣ непререкаемой достовѣрности—договорной грамотѣ даже 1428 года Василія Темнаго съ дядей Юріемъ Галицкимъ упоминаются на Вяткѣ „слободы“, и только уже въ духовной грамотѣ Юрія 1434 года поминаются на Вяткѣ и „городы“. Объ этомъ подробно—въ нашемъ изслѣдованіи: „Хлыновъ старше или Хлыново“? (1904 г., 71—72).

2) Лѣтописи Новгородская IV, Софійскія I и II, Воскресенская, Никоновская, Авраамки, Архангелогородская подъ 1459 и 1489 г.г.

родъ, подчинилъ себѣ значительную часть мордовскихъ земель и въ бывшихъ „зимницахъ“ Мордвы поселилъ много русскихъ людей, которые охотно шли, какъ изъ Суздальской области, такъ изъ другихъ княжествъ, на привольныя мѣста по Волгѣ, Окѣ, Кудьмѣ. Какъ владѣтель уже сильнаго и богатаго княжества, въ 1353 году, по смерти Симеона Гордаго, онъ даже „сперся предъ ханомъ о великомъ княженіи Владимірскомъ“ съ братомъ Симеона Иваномъ Ивановичемъ; но ханъ „не послуша его“, и удовлетворенный болѣе дарами московскими, чѣмъ нижегородскими, „дасть великое княженіе Ивану Ивановичу Московскому“ [4]).

Кромѣ Нижняго и Суздаля, въ составъ Суздальско-Нижегородскаго княжества входили еще Городецъ на лѣвомъ берегу Волги [5]), Юрьевецъ на правомъ берегу Волги, Бережецъ на устьѣ Клязьмы, Шуя на р. Тезѣ, впадающей въ Клязьму [6]). Послѣ Константина Васильевича, старшій сынъ его Андрей занялъ великокняжескій столъ въ Нижнемъ, а братьямъ своимъ—Димитрію отдалъ Суздаль, Борису Городецъ. Андрею Константиновичу въ 1359 году, по смерти великаго князя Московскаго Ивана Ивановича, уже самъ тогдашній ханъ (Наурусъ) предлагалъ Владимірское великое княженіе; но Андрей Константиновичъ „по то не ялся“ (не взялся), и великое княженіе Владимірское было отдано ханомъ брату Андрея—Димитрію Константиновичу, который и „сидѣлъ“ на великомъ княженіи во Владимірѣ два года, до Димитрія Ивановича Московскаго (Донского). По смерти брата Андрея (1365 г.), Димитрій Константиновичъ, послѣ нѣкоторой „замятни“ и спора съ братомъ Борисомъ, занялъ мѣсто Андрея въ Нижнемъ, а Борису опять былъ отданъ Го-

---

[4]) Новгородская I, 86; IV, 72; Софійская I, 228; Воскресенская VII, 217; Никоновская подъ 1353 годомъ.

[5]) Нынѣ село, выше г. Балахны.

[6]) Экземплярскій: „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, II, 402.

родецъ. Сидѣлъ въ Нижнемъ Димитрій Константиновичъ до самой своей смерти въ 1383 году, когда Нижній занялъ Борисъ Константиновичъ, оставивъ за собой и Городецъ, а Суздаль предоставивъ своимъ племянникамъ—Димитріевичамъ.

Изъ сыновей Димитрія Константиновича наиболѣе извѣстны Василій Кирдяпа и Семенъ Димитріевичъ, а изъ сыновей Бориса Константиновича Даніилъ и Иванъ (Тугой Лукъ) Борисовичи. Но судьба была далеко не такъ милостива къ Борису, его сыновьямъ и племянникамъ, какъ къ его отцу и старшимъ братьямъ.

Въ 1392 году великій князь Московскій Василій Димитріевичъ, по согласному показанію лѣтописей, отправился въ Орду „со многою честію и дары". Повезъ онъ съ собою „великіе дары" потому, что пожелалъ отнять у Бориса Константиновича Нижній и Городецъ. Въ Ордѣ онъ сначала, по обычаю, „умзди князей царевыхъ, чтобы печаловались о немъ царю Тохтамышу"; потомъ самого „царя", разумѣется, онъ „умздилъ" несравненно щедрѣе, и ханъ Тохтамышъ выдалъ Василію Димитріевичу ярлыкъ на Нижній Новгородъ и Городецъ. Съ ханскимъ посломъ и отрядомъ татаръ выѣхалъ Василій изъ Орды, изъ Коломны самъ поѣхалъ въ Москву, а татаръ съ посломъ и своею ратью отправилъ на Нижній. При содѣйствіи измѣнника—Нижегородскаго боярина Румянца и его сообщниковъ, Борисъ Константиновичъ, его княгиня и дѣти, по приходѣ татаръ въ Нижній, при звонѣ колоколовъ и общемъ переполохѣ жителей, были выданы своими боярами и „поиманы" по приказу великаго князя, а затѣмъ, по пріѣздѣ самого Василія въ Нижній, были „связаны въ вериги желѣзныя" и со всѣми своими доброхотами разосланы по разнымъ городамъ, гдѣ велѣно было „держати ихъ въ велицей крѣпости [1]). Вскорѣ послѣ того Борисъ Константиновичъ

1) Никоновская подъ 1392 годомъ; но „поиманъ" былъ Борисъ не раньше конца 1393 года, какъ видно изъ Актовъ Археогр. Эксп. I, № 12.

скончался въ заточеніи; а долго ли находились „въ нятствѣ“ его сыновья Даніилъ и Иванъ, когда и какъ они успѣли освободиться изъ этого „нятства“, неизвѣстно; только спустя долгое время, почти черезъ два десятилѣтія послѣ ихъ плѣненія, они начали борьбу съ Москвой за свою „отчину“, при содѣйствіи татарскихъ бековъ, имѣвшихъ владѣнія въ При-Камской Болгаріи.

Жестокая расправа съ дядей Борисомъ естественно должна была произвести удручающее впечатлѣніе и на сидѣвшихъ въ Суздалѣ его племянниковъ Василія и Семена Димитріевичей. Въ Москвѣ была еще жива ихъ родная сестра Евдокія Димитріевна, жена Донского, мать великаго князя, на „заступу“ которой, повидимому, они могли разсчитывать; но въ той же Москвѣ уже давно „точили зубы“ на Суздальскихъ князей за разгромъ ея въ 1382 году татарами, виновниками котораго считали именно князей Василія Кирдяпу и Семена. Въ 1382 году, по слухамъ о стремительномъ набѣгѣ на Русь Тохтамыша, оба брата были посланы отцемъ изъ Нижняго на встрѣчу хану съ изъявленіемъ покорности, встрѣтили его на границѣ Рязанской и, по повелѣнію хана, должны были слѣдовать за нимъ къ Москвѣ. Здѣсь подъ кремлемъ три дня татары бились съ москвичами безуспѣшно, а на четвертый день князья Ордынскіе „по опасу“ подъѣхали къ стѣнамъ города для переговоровъ; съ ними, по волѣ хана, были и князья Суздальскіе. „Не на васъ пріиде царь,“ кричали москвичамъ татарскіе князья, „а на вашего князя Димитрея (Донского); ничтоже требуетъ отъ васъ царь, точію срѣтите его съ легкими дары: хощетъ градъ видѣти, а вамъ даетъ миръ“. Москвичи не повѣрили-было татарамъ; но „князь Василей да князь Семенъ, шурья великаго князя, съ татары за-одинъ глаголаху гражданамъ, и правду (клятву) христіаномъ даша, яко не блюстися ничего же отъ царя“. Москвичи повѣрили своимъ русскимъ князьямъ,

отворили кремль и вышли къ Тохтамышу съ дарами; а татары ворвались въ кремль, разграбили церкви, великокняжескую казну, дворы бояръ и зажиточныхъ горожанъ, побили или поплѣнили множество жителей и сожгли городъ [1]). Василій и Семенъ Димитріевичи, спустя 10 лѣтъ послѣ такого раззоренія Москвы, проживая въ недалекомъ отъ нея Суздалѣ, не могли не вѣдать объ ожесточенной злобѣ къ нимъ москвичей, а послѣ расправы Москвы съ дядей Борисомъ въ 1393 году, имѣли основаніе опасаться чего-нибудь даже похуже такой расправы. Приходилось спасаться изъ Суздаля—своей отчины, сдѣлаться князьями—изгоями, жертвами „собиранія русской земли“ московскою рукою. Они и бѣжали въ 1394 году, „а князь великій Московскій посла за ними погоню, и много трудишася, но не постигоша ихъ“ [2]).

По согласному показанію лѣтописей, оба брата бѣжали въ Орду. Тому и другому Орда была очень знакома. Василій еще въ 1364-65 году жилъ недолго въ Ордѣ при ханѣ Азисѣ, отъ котораго вывезъ отцу своему ярлыкъ на великое княженіе; а послѣ разгрома Москвы въ 1382 году, онъ въ качествѣ заложника былъ взятъ Тохтамышемъ въ его юртъ и прожилъ въ Ордѣ четыре года въ такой „истомѣ“, что бѣжалъ изъ нея, хотя и неудачно. Семенъ изъ-подъ Москвы не былъ взятъ Тохтамышемъ и отосланъ въ Нижній къ отцу, но въ слѣдующемъ году и онъ былъ посланъ отцемъ въ Орду, гдѣ въ то время былъ его братъ Василій, дядя Борисъ съ сыномъ Иваномъ (Тугимъ – Лукомъ) и Василій, сынъ Донского, будущій великій князь Московскій [3]). Суздальскіе князья знали, стало быть, хорошо ордынскіе порядки: имъ было извѣстно, что для успѣха въ своемъ дѣлѣ предъ ханомъ надо было „умздить“ приближенныхъ хана и самого

[1]) Новгородская IV, Воскресенская, Никоновская подъ 1382 годомъ.

[2]) Воскресенская, Никоновская подъ 1394 годомъ, т. е. вслѣдъ за „поиманіемъ“ Бориса Константиновича.

[3]) Воскресенская, Никоновская подъ 1364, 1382, 1383 и 1386 годами.

Тохтамыша. И Василій и Семенъ Димитріевичи явились въ Орду въ 1394 г. не съ голыми руками; оба они обогатились во время походовъ своихъ на Мордву, Василій въ 1370 и 1376 году, а Семенъ въ 1377 году, и во время бѣгства изъ Суздаля въ 1394 году успѣли захватить съ собою значительную казну [1]). Но, разумѣется, изгои—князья не могли тягаться казной съ великимъ княземъ Московскимъ и „умздить" Тохтамыша такъ удовлетворительно, какъ „умздилъ" его Василій Димитріевичъ Московскій въ 1392 году (за ярлыкъ на Нижній), были не въ состояніи. При дворѣ Тохтамыша успѣха они имѣть не могли.

Когда, на другой годъ послѣ бѣгства изъ Суздаля, въ 1395 году, началась „великая замятня" въ Ордѣ, сначала при нашествіи Темиръ—Аксака (Тамерлана), потомъ Темиръ—Кутлуя, Семенъ Димитріевичъ воспользовался внутренней смутой въ Ордѣ и бросился на службу врагамъ Тохтамыша, въ надеждѣ на ихъ помощь. По согласному показанію лѣтописей, „бѣгая по татарскимъ землямъ", онъ служилъ сначала (не долго) Темиръ—Аксаку, а потомъ Темиръ—Кутлую. Но ни отъ того, ни отъ другого князь Семенъ, за свою усердную службу, повидимому, никакой дѣйствительной помощи противъ Москвы не получилъ: занятымъ серьезной борьбой съ Тохтамышемъ, и Темиръ—Аксаку и Темиръ—Кутлую было не до того, чтобы особенно интересоваться судьбою, хотя и служившаго имъ, какого-то мелкаго русскаго князя.

Но помимо хановъ—царей, управлявшихъ Ордою, гораздо ближе къ Суздальско-Нижегородскому княжеству, въ сосѣдней При-Камской Болгаріи, было не мало татарскихъ князей—бековъ, проживавшихъ въ болгаро-татарскихъ аулахъ и управлявшихъ окрестными инородцами. Таковы были напр. улусные (удѣльные) беки, проживавшіе въ извѣстныхъ укрѣпленныхъ городкахъ: Булгарѣ, Жукотинѣ (Джуке-тау—Липо-

[1]) Тѣ же лѣтописи подъ указанными въ текстѣ годами.

вая гора), Бюлярѣ, Суварѣ, Кашанѣ, Керменчукѣ, Тубулгатау (Таволжья гора) и другихъ [1]). Беки эти, особенно при смутахъ въ Сараѣ, нерѣдко проявляли довольно рѣшительную самостоятельность и независимость. Съ ними, болѣе чѣмъ вѣроятно, имѣли сношенія, а можетъ быть и личное знакомство, сосѣдніе Суздальско-Нижегородскіе князья, какъ по пограничнымъ, такъ и по торговымъ дѣламъ, напр. хотя-бы по сбыту добычи, мордовскихъ и прочихъ плѣнниковъ и плѣнницъ. Среди этихъ-то При-Камскихъ бековъ и находили Суздальско-Нижегородскіе князья союзниковъ, которые рѣшались помогать имъ, не безъ согласія и соизволенія—надо полагать—самихъ хановъ, въ отстаиваніи родовыхъ правъ на свои княжества. Въ числѣ такихъ союзниковъ-бековъ и въ нашихъ лѣтописяхъ, какъ увидимъ, упоминаются два царевича, князья Жукотинскіе, князья Болгарскіе, князья Мордовскіе.

Въ одномъ изъ царевичей, проживавшихъ въ При-Камской Болгаріи, нашелъ себѣ союзника и Семенъ Димитріевичъ: это былъ царевичъ, имя котораго, очевидно искаженное, передается разнообразно въ нашихъ лѣтописяхъ, гдѣ онъ называется—Актякъ, Антякъ, Гентякъ, Сентякъ, Ентякъ, Ейтякъ, Тетякъ, Октякъ, Октясъ [2]). Царевичъ, какъ увидимъ дальше, оказался союзникомъ вѣрнымъ и преданнымъ, и Семенъ Димитріевичъ съ своими „доброхотами“ и тысячею татаръ, предводимыхъ Ентякомъ или Сентякомъ и пр., сдѣлалъ рѣшительную попытку возвратить себѣ Нижній. Въ октябрѣ по однимъ

[1]) О такихъ булгаро татарскихъ укрѣпленныхъ городахъ много помѣщено серьезныхъ и обстоятельныхъ изслѣдованій въ „Извѣстіяхъ Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Географіи“ въ разное время.

[2]) Въ Никоновской лѣтописи подъ 1408 годомъ, въ числѣ болѣе чѣмъ дюжины татарскихъ царевичей и князей, сопровождавшихъ Едигея въ его набѣгѣ на Москву, упоминается „Сентялибій.“ Едва ли не слѣдуетъ тутъ читать: „Сентякъ, Алибей,“ такъ какъ два такихъ бека извѣстны за это время по другимъ источникамъ и должны были бы сопровождать Едигея, а въ лѣтописномъ перечисленіи князей пропущены.

лѣтописямъ 1395 года, а по другимъ 1399 года [1]), они внезапно явились подъ Нижнимъ, завладѣли городомъ; но попытка окончилась неудачею.

Передаемъ извѣстіе объ этой попыткѣ подлинными словами лѣтописей, въ которыхъ (кромѣ года) мы не находимъ замѣтныхъ разнорѣчій.

„Въ лѣто 6903 (1395) осени князь Семенъ Дмитреевичъ Суздальскій и Нижняго Новгорода собра воинства своя, а съ нимъ царевичъ Ентякъ да татаръ съ тысячю, и пріиде къ Новгороду Нижнему. И стояша у града долго, и невозмогоша взяти, и сътвориша миръ, и цѣловаша крестъ, а татарове роту пили по своей вѣрѣ. Таже потомъ татарове преступиша роту свою, и градъ весь взяша и до конца пограбиша; а князь Семенъ глаголаше: „не азъ есмь сътворивый се, но татарове; въ нихъ же азъ неволенъ, а съ нихъ не могу.“ И тако татарове Нижній Новгородъ взяша октября 25 и пребыша ту двѣ недѣли, дондеже услышаша, что москвичи хотятъ ити на нихъ ратью; они же убоявшеся и побѣгоша къ Ордѣ. Слышавъ се князь великій Василей, събравъ ратей много и съ ними отпусти брата своего Юрья, а съ нимъ воеводъ и силу многу. Они же шедше плѣниша землю татарскую, и взяша градъ Болгари, и Жюкотинъ, и Казань, Кеременчукъ, и пребыша три мѣсяцы воююще и никтоже не помнитъ, толь далече воевала Русь татарскую землю, и возвратишася съ многою корыстію.“

Но ни Семена Димитріевича, ни Ентяка или Сентяка, Юрій Димитріевичъ, преслѣдовавшій ихъ съ московскою ратью, не настигъ; они куда-то скрылись отъ него, и онъ прекратилъ ихъ преслѣдованіе. Если мы прослѣдимъ по картѣ путь, по которому Юрій преслѣдовалъ, поздней осенью и зимой, царе-

[1]) Подъ 1395 годомъ въ Новгородской четвертой, Софійской первой; подъ 1399 годомъ въ Софійской второй, Воскресенской, Типографской; подъ 1396 г. въ Никоновской и Костромской (Русск. Временникѣ).

вича Ентяка и князя Семена, то мы увидимъ, что Юрій сначала захватилъ г. Болгары въ Спасскомъ уѣздѣ, потомъ Жукотинъ близъ нынѣшняго Чистополя и Казань—Кашанъ между с. Шураномъ и Сорочьими горами въ Лаишевскомъ уѣздѣ [1]), на правомъ берегу Камы, а затѣмъ бросился на Керменчукъ—Кирменчукъ, городъ находившійся на правомъ же берегу Камы, въ Мамадышскомъ уѣздѣ, въ углу образуемомъ Камою и нижнимъ теченіемъ Вятки до ея устья [2]).

Такимъ образомъ раззореніемъ Керменчука Юрій Димитріевичъ закончилъ свой походъ на раззорителей Нижняго; онъ затѣмъ, въ концѣ зимы, возвратился въ Нижній, и разумѣется по прямому пути отъ Керменчука, а не по рѣкѣ Вяткѣ, подниматься по которой до ея средняго теченія, напр. до устья Моломы, гдѣ начинались тогда рѣдкія русскія поселенія, было ему совсѣмъ не по дорогѣ въ Нижній.

Почему не преслѣдовалъ Юрій Ентяка или Сентяка дальше Керменчука? Тутъ возможны два предположенія: или гор. Керменчукъ былъ резиденціей Ентяка и послѣ раззоренія этого укрѣпленія Юрій считалъ задачу своего похода конченною, или онъ не зналъ, куда скрылся Ентякъ съ княземъ Семеномъ, и недоумѣвалъ, преслѣдовать ли враговъ по берегамъ Вятки, или по берегамъ Камы. Но во всякомъ случаѣ

---

[1]) С. М. Шпилевскій, въ своемъ изслѣдованіи о „Древнихъ городахъ Казанской губ.“, лѣтописную Казань 1395 года признаетъ Кашаномъ; а П. А. Пономаревъ подтверждаетъ это обстоятельными изслѣдованіями въ „Извѣстіяхъ Казанскаго Общества А., И. и Э.“

[2]) Шпилевскій полагаетъ, что Керменчукъ—Кирменчукъ лѣтописей находился у р. Кирмень, впадающей въ Каму справа, ниже р. Вятки. На р. Кирмень (протекающей почти параллельно Вяткѣ и недалеко отъ нея предъ впаденіемъ въ Каму) нынѣ находятся три селенія—Малый, Средній и Русскій Кирмень (Города Казанской г., 421). По изслѣдованіямъ П. А. Пономарева, по правую сторону р. Кирмени, у с. Дигитли и дер. Букени находятся слѣды древнихъ ауловъ, при поч. Омарскомъ слѣды укрѣпленія на высокомъ горномъ выступѣ, а при оврагѣ Кереметь слѣды городища, обширность котораго и грандіозность укрѣпленія даютъ основаніе утверждать, что тутъ былъ г. Керменчукъ („Извѣстія Казанскаго Общества А., И. и Э.“ 1885 г., т. VI, вып. 1, 14—15).

лѣтописныя, выше приведенныя, извѣстія даютъ намъ основаніе полагать, что раззорители Нижняго „бѣжали къ Ордѣ“, а не „въ Орду“, что они съ Волги повернули въ Каму, поднялись по ней вверхъ и скрылись гдѣ-то около устья Вятки.

Какъ на матеріалъ для дальнѣйшихъ предположеній, позволяемъ себѣ указать на то, что въ Елабужскомъ, сосѣднемъ съ Мамадышскимъ, уѣздѣ извѣстна издавна мѣстность съ именемъ „Сентяка“, и что нынѣ существуетъ село „Сентякъ“: оно стоитъ между Елабугой и Мамадышемъ, почти въ равномъ разстояніи отъ того и другого города, въ углу образуемомъ Камою и нижнимъ теченіемъ Вятки, гдѣ и нынѣ есть села съ татарскимъ населеніемъ.

Но жилъ ли Ентякъ или Сентякъ въ Керменчукѣ или Сентякѣ, былъ ли онъ бекомъ въ нынѣшнихъ Мамадышскомъ или Елабужскомъ уѣздахъ, или въ какой либо другой мѣстности При-Камской Болгаріи, вблизи низовьевъ и устья Вятки, едва ли князь Семенъ Димитріевичъ имѣлъ тутъ, въ улусѣ Ентяка, осѣдлое пребываніе. Конечно, онъ проживалъ у своего союзника временно, напр. при снаряженіи похода на Нижній; но хотя нѣкоторую осѣдлость, всего вѣроятнѣе, имѣлъ онъ, со своимъ дворомъ и доброхотами, какъ мы тогда сказали, въ мѣстностяхъ средняго теченія Вятки, гдѣ были уже, хотя и рѣдкія, русскія поселенія съ подобными ему бѣглецами и изгоями.

Кромѣ союзника царевича, какъ мы уже читали въ началѣ, былъ у Семена Димитріевича въ татарской землѣ еще «пріятель» Хази-Баба. Въ лѣтописяхъ онъ называется «бесерменином», а бесерменами въ то время у насъ назывались жители Ховарезма—Хивы и Бухары, караваны которыхъ съ товарами, еще по увѣренію Масуди, постоянно ходили для мѣновой торговли въ При-Камскую Болгарію и обратно: почему Карамзинъ не безъ основанія называетъ Хази-Бабу хивин-

цемъ. Какъ видно, это былъ состоятельный купецъ, уже хорошо ознакомившійся съ русскими; онъ крестился, построилъ даже храмъ во имя свят. Николая и несомнѣнно принялъ христіанское имя своего святаго патрона, почему въ другихъ мѣстахъ лѣтописей и упоминается подъ именемъ «татарина Никулы—Микулы». Можетъ быть онъ, по своимъ торговымъ дѣламъ, какъ и многіе другіе хивинцы—«гости», бывалъ и въ Нижнемъ и познакомился здѣсь съ княземъ Семеномъ, а потому и укрылъ у себя, «на погостѣ св. Николы» жену Семена Александру, которая, какъ мы уже знаемъ, съ своими дѣтьми и казной спасалась, но не спаслась тутъ, отъ московскихъ сыщиковъ, въ то время, какъ самъ князь съ своимъ дворомъ служилъ въ Ордѣ Темиръ-Аксаку или Темиръ-Кутлую. По понятной уже причинѣ важно было бы знать, гдѣ именно, въ какой мѣстности находился погостъ св. Николы, въ которомъ проживалъ крещеный бесермянинъ Никула; но до сихъ поръ ученые изслѣдователи не могли доискаться до точнаго указанія этой мѣстности. Дѣло въ томъ, что названіе мѣстности, въ которой стоялъ построенный Хази-Бабою храмъ св. Николая, оказывается въ лѣтописяхъ искаженнымъ: въ Новгородской четвертой сказано, что церковь была поставлена бесерменином «на мѣстѣ нарицаемомъ Чибирчи», въ Софійской второй и Никоновской—«на мѣстѣ нарицаемомъ Цибирца», въ лѣтописи Львова и Типографской—«Цибирція», у Татищева—«Цыбарца», у Авраамки—«Бирца», въ Архангелогородской—«волосцыбирцы». Арцыбашевъ замѣтилъ, что «Цибирца едва ли не есть испорченное Симбирскъ», а другой изслѣдователь указалъ на одну деревню въ Тетюшскомъ уѣздѣ (верстахъ въ 80 отъ г. Казани), нынѣшнее названіе которой походитъ на лѣтописное, но только предположительно.

Желая разслѣдовать, нѣтъ ли какихъ либо, хотя слабыхъ, указаній на слѣды пребыванія Семена Димитріевича и другихъ Суздальско—Нижегородскихъ князей на берегахъ р.

Вятки, мы просмотрѣли, съ возможнымъ вниманіемъ, самыя старыя изъ сохранившихся, писанныя около 300 лѣтъ тому назадъ, Дозорныя Вятскія книги кн. Ѳ. А. Звенигородскаго и П. И. Мансурова и еще Писцовую книгу А. М. Толочанова 1629 г., и вотъ результатъ разысканій, нами полученный.

Въ Дозорной Звенигородскаго и Писцовой Толочанова, въ Березовскомъ стану, въ направленіи на югъ отъ устья Хлыновки (и нын. города Вятки) къ с. Кстинину (Крестинину на рч. Іорданкѣ), передъ нын. селомъ Краснымъ, которое стоитъ въ мѣстности, называвшейся 300 и болѣе лѣтъ тому назадъ Краснымъ Яромъ, послѣ деревень Головенкиной и Куземкинской надъ р. Вяткою, стало быть не далѣе 3—4 верстъ отъ н. города Вятки къ югу, показаны: «пустошь, что была деревня, Кирдяпино, запустѣла отъ черемискіе войны (въ 1580 годахъ), земли 15 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 60 копенъ, лѣсу натенного 5 десятинъ: пустошь, что была деревня, другое Кирдяпино, земли 10 четей да лѣсомъ поросло пять четей, а въ дву потомужъ, сѣна 80 копенъ». Эта запись указываетъ, что въ старину, задолго до конца XVI вѣка, около нынѣшняго села Краснаго, была извѣстна мѣстность Кирдяпино, что въ этой мѣстности, послѣ первоначальнаго владѣльца Кирдяпы, давшаго ей свое имя, были основаны впослѣдствіи двумя домохозяевами двѣ деревни, существовавшія до черемисской войны въ 1580-хъ годахъ и съ того времени запустѣвшія. Что названіе «Кирдяпино» произошло не отъ двухъ позднѣйшихъ поселенцевъ этой мѣстности [1]), видно изъ того, что два поселенца—домохозяева двухъ деревень не могли носить одно прозвище Кирдяпы. Въ отличіе отъ другихъ названій деревень, какъ Куземкинская и слѣдующія дальше за Кирдяпинымъ деревни (у

[1]) А что эти деревни принадлежали не одному, а двумъ домохозяевамъ, видно изъ того, что на деревняхъ лежали два тягла, и пахотная и луговая земля для сѣнныхъ покосовъ была отписана къ той и другой деревнѣ особо.

Звенигородскаго и Толочанова)—Кузнецовская, Михалевская, Климовская, мѣстность не названа «Кирдяпина», а «Кирдяпино», точно такъ же, какъ назывались и другія подобныя мѣстности, напр. Никулицыно, Волчье, Булычево, Чешково и др.

Затѣмъ въ указанныхъ выше Дозорныхъ и Писцовой книгахъ мы находимъ много селеній и сѣнныхъ покосовъ, указанныхъ на близкихъ къ н. городу Вяткѣ рѣкахъ Курмыжѣ [1]) и Медянѣ. А изъ исторіи Суздальско-Нижегородскаго княжества мы знаемъ, что меньше чѣмъ за 30 лѣтъ до констатированнаго лѣтописями предсмертнаго пребыванія на Вяткѣ Суздальскаго князя, Суздальско-Нижегородскими князьями былъ въ 1372 году основанъ передовой укрѣпленный пунктъ противъ Мордвы—г. Курмышъ при впаденіи р. Курмыша въ Суру, а недалеко отъ Курмыша впадаетъ въ Суру и р. Медяна. Въ актахъ Успенскаго Трифонова монастыря конца XVI вѣка упоминаются озеро и курья съ страннымъ названіемъ «Плоское» и «Плоская» недалеко отъ г. Хлынова, въ Орловскомъ уѣздѣ оказывается и рѣка Плоская; а грамотой Суздальско-Нижегородскаго князя 1393 года, помѣщенной въ «Актахъ Археографической Экспедиціи» (1,7) озеро Плоское было дано Нижегородскому Благовѣщенному монастырю. Въ недалекомъ отъ г. Вятки Орловскомъ уѣздѣ есть рѣка Пьяная, рѣка Пьяновка; а въ Нижегородскомъ княжествѣ во второй половинѣ XIV вѣка происходило немало битвъ съ татарами и Мордвой именно на рѣкѣ Пьянѣ, впадающей въ Суру недалеко отъ Курмыша. Въ Дозорныхъ же и Писцовой, указанныхъ выше, книгахъ показана мѣстность Бритово и волость Бритовская въ ближайшемъ къ Хлынову съ запада Спенцынскомъ стану; а въ Нижегородской губерніи, по направленію отъ р. Пьяны къ Арзамасу извѣстна старинная мѣстность съ такимъ же названіемъ, гдѣ нынѣ находятся село Бритовка и

[1]) Именно—на Курмыжѣ, а не на Кирмыжѣ, какъ пишется нынѣ.

деревня Бритовка. Оставляя безъ вниманія другія сходныя наименованія мѣстностей, обращаемъ наконецъ вниманіе на Карино. Это, какъ извѣстно,—мѣстность, населенная татарами, по мѣсту поселенія извѣстными подъ именемъ Каринскихъ, поселившихся здѣсь сначала не очень значительною кучкою и въ не опредѣленное доселѣ время. Первымъ ихъ поселеніемъ здѣсь, по преданію, считается Верхній или Большой погостъ, который и есть первоначальное Карино; всѣ же остальныя деревни считаютъ себя выселками изъ этого погоста [1]) Именно это первоначальное Карино и было въ XVI вѣкѣ, послѣ покоренія Вятки Москвой, своего рода административнымъ пунктомъ среди неизвѣстно когда и откуда поселившихся здѣсь татаръ, и «въ Карино» направлялись тогда изъ Москвы правительственныя распоряженія, наравнѣ съ Хлыновомъ, Слободой, Котельничемъ и Орловымъ [2]). Всего естественнѣе повидимому производить названіе этого татарскаго поселенія отъ какого нибудь татарина Кара, первоначальнаго тутъ поселенца, какъ и полагалъ предположительно П. М. Сорокинъ. И что же? Въ Синодикѣ Нижегородскаго Печерскаго монастыря XVI вѣка [3]) мы читаемъ, что въ числѣ селъ, данныхъ въ монастырь князьями Борисомъ Константиновичемъ и Семеномъ Димитріевичемъ, было и «село Карино съ деревнями». Это опять «толкаетъ» на предположеніе: «да не заселено ли было первоначально Карино татарами, пришедшими сюда съ Суздальскимъ княземъ?» Князь Семенъ, бѣгая отъ Москвы цѣлыхъ 8 лѣтъ по татарскимъ землямъ, на службѣ четыремъ ханамъ совсѣмъ «отатарился»: есть «денга князя Семена», на одной сторонѣ которой выбито типичное изображеніе татарина въ

---

[1]) См. изданную нами брошюру покойнаго П. М. Сорокина, 1896 г., подъ заглавіемъ „Арскіе князья въ Каринѣ“, с. 13.

[2]) См. напечатанную нами „Грамоту вел. князя Ивана Васильевича о расправѣ съ разбойниками“, 1542 г., въ третьемъ выпускѣ „Трудовъ Вятской Уч. Архивной Коммиссіи“ на 1905 г., с. 82.

[3]) Чтенія въ обществѣ Исторіи и Древ. Рос. 1868 г., т. I, смѣсь 1—8.

халатѣ и татарской войлочной шапкѣ [1]). Несомнѣнно, въ числѣ ратныхъ людей, съ которыми онъ добывалъ свою отчину и служилъ ханамъ, кромѣ русскихъ его «доброхотовъ», были привлеченные его казною и татары.

Въ виду близости къ Кирдяпину, Кстинину и Карину Никулицына, занимающаго между названными мѣстностями почти центральное положеніе, а также въ виду загадочнаго, доселѣ ни мало не разъясненнаго, извѣстія лѣтописей о царевичѣ Ентякѣ и татаринѣ Никулѣ—Микулѣ, находимъ нужнымъ остановить вниманіе читателей и на этомъ Никулицинѣ. Никулицино или Микулицыно—мѣстность, очевидно получившая свое названіе отъ Никулы—Микулы, отъ уменьшительнаго имени Никулица—Микулица. Въ Писцовой книгѣ 1629 г. Толочанова значится «на Никулицынѣ погостъ надъ р. Вяткою, а на погостѣ церковь Бориса и Глѣба», но тутъ же на рѣчкѣ Никуличанкѣ показано нѣсколько сѣнныхъ покосовъ, принадлежащихъ и не близкимъ къ погосту деревнямъ.

Въ лѣтописяхъ подъ 1402 годомъ [2]) говорится о смерти на Вяткѣ Семена Димитріевича, а подъ 1403 годомъ о смерти и его старшаго брата Кирдяпы, и подъ этимъ же послѣднимъ 1403 годомъ, вслѣдъ за разсказомъ о смерти Семена, въ Троицкой и Воскресенской лѣтописяхъ мы читаемъ: „въ лѣто 6911 (1403) приходилъ царевичъ Ентякъ и былъ на Москвѣ, да изобмолвилъ Микулу татарина“. Какого татарина, какъ изобмолвилъ, въ лѣтописяхъ не говорится, и потому это извѣстіе нашими историками оставляется безъ вниманія и объясненія, и только у Карамзина выписывается въ примѣчаніяхъ. Но, кажется, не грѣхъ сдѣлать попытку разъяснить хотя немного загадочное извѣстіе.

[1]) Д. П. Сонцова статья въ „Древностяхъ“ Московскаго Археологическаго общества, т. IV, в. 2, 73—74.

[2]) Въ Софійской второй, Воскресенской, Никоновской, Типографской, у Татищева; подъ 1405 годомъ въ Новгородской четвертой, Софійской первой, Авраамки, Архангелогородской; въ Софійскомъ Временникѣ Строева подъ 1402 и 1405.

Сопоставленіе извѣстія объ Ентякѣ и Микулѣ—татаринѣ съ помѣщеннымъ нами въ началѣ извѣстіемъ о захватѣ московскими сыщиками Семеновой княгини у Хази-Бабы, который крестился, построилъ церковь въ честь св. Николая и конечно принялъ при крещеніи имя Николая, располагаетъ къ предположенію, полагаемъ—не очень вольному, не одно ли и тоже лицо—татаринъ Микула съ крещенымъ Хази-Бабой, и въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ: въ чемъ же могъ въ Москвѣ изобмолвить Ентякъ Хази-Бабу, иначе татарина Микулу, вскорѣ послѣ смерти князя Семена.

Необходимо отмѣтить, что московскія лѣтописи, а за ними и другія, говорятъ о смерти князя Семена съ полнотою, видимо не безцѣльною, и съ нѣкоторыми варіантами. Обыкновенно лѣтописи отмѣчаютъ смерть того или другого, часто и весьма славнаго, князя краткимъ и простымъ словомъ: „преставися князь великій“ такой-то, какъ отмѣчена смерть и старшаго Семенова брата—„великаго князя Василея Димитріевича Суждальскаго“; а о смерти ненавистнаго Москвѣ князя Семена, „раззорителя“ Москвы и Нижняго, говорится съ обстоятельностью и съ удареніемъ, что онъ пріѣхалъ въ Москву изъ Орды уже „боленъ сый“, а потомъ по пріѣздѣ на Вятку „паки разболѣся, въ большій недугъ впаде и чрезъ пять мѣсяцъ преставися“. При этомъ въ однихъ лѣтописяхъ [1]) прибавляется, что „князь сей въ животѣ своемъ многи напасти подьятъ, и многи истомы претерпѣ во Ордѣ и на Руси, добиваяся своей отчины, осмь лѣтъ поряду въ Ордѣ служилъ четыремъ царемъ, а все то поднимая рать на великого князя Московского, какъ бы найти свою вотчину Новогородское княженіе, и того ради многъ трудъ подья, и не обрѣтая покоя ногама своима, и не успѣ ничто же, но всуе тружаяся“. А въ другихъ лѣтописяхъ [2]) рѣчь о службѣ четыремъ ха-

[1]) Въ Новгородской четвертой, Софійской первой, Воскресенской, Никоновской, Авраамки, Типографской, у Татищева.

[2]) Въ Софійской второй, Софійскомъ Временникѣ Строева, Архангелогородской.

намъ приписывается уже самому князю Семену и извѣстіе о смерти его излагается въ такомъ видѣ: „въ лѣто 6910 князь Семенъ Дмитреевичъ Суздальскій, слышавъ, яко княгиня его поимана (у церкви Хази-Бабы) и сидитъ въ Москвѣ, а казна взята, и посла къ великому князю съ челобитьемъ и съ покореніемъ на всей его воли, а ркучи такъ: „господине князь велики Василей Дмитреевичъ, язъ тружаюся вся дни живота своего, покааніа не знаючи, много истомы подымаючи въ Ордѣ и на Руси, а добываяся своей вотчины княженія Ноугородскаго: осмь лѣтъ служилъ есми четыремъ царемъ въ Ордѣ не опочивая, а все подымая рати и погубляя хрестьянство, а не далъ ми Богъ отчины; а нынеча, господине, ступаюся тебѣ княженія Ноугородскаго: еже хощетъ Богъ, поставляетъ царя, и князя, и властелина и самодержца“. Князь же великій дасть ему опасъ, онъ же пріиде на Москву, князь же великій пожаловалъ его, далъ ему княгиню и съ дѣтми, и князь Семенъ Дмитріевичъ поѣхалъ на Вятку съ княгинею и съ дѣтми; боленъ бо уже бяше“... и т. д. Затѣмъ составители лѣтописей ведутъ умильныя рѣчи о суетности дѣлъ человѣческихъ по адресу князя Семена.

Очевидно въ лѣтописяхъ съ московской тенденціей „собиранія русской земли“ простой разсказъ о послѣдней судьбѣ и смерти князя Семена подвергся тенденціозной передѣлкѣ и „нарочитой“ отдѣлкѣ. По этимъ лѣтописямъ выходитъ, что Москва съ своимъ великимъ княземъ совсѣмъ примирилась по-христіански съ княземъ Семеномъ, простила ему великое преступленіе—раззореніе Москвы и прочіе его грѣхи въ долголѣтней съ нимъ борьбѣ, что князь великій помиловалъ своего опаснаго врага, отдалъ ему княгиню и милостиво разстался съ нимъ, предоставивъ ему жительствовать тихо и мирно на Вяткѣ. Но едва ли такое миролюбивое настроеніе Москвы было тогда возможно въ дѣйствительности. Для сыску князя Семена была послана цѣлая рать, его жену

схватили, ограбили, держали въ заточеніи, наконецъ добыли самого князя. Если его дядю Бориса съ семьей ни за-что ни про-что „вязали вериги желѣзными“, то съ опаснымъ княземъ Семеномъ желали раздѣлаться, вѣроятно, и посерьезнѣе. Что послѣднее болѣе соотвѣтствовало дѣйствительности, видно изъ одного извѣстія въ областномъ лѣтописцѣ, уцѣлѣвшаго отъ московской тенденціозной обработки. Въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ, послѣ разсказа о поимкѣ княгини Александры и пріѣздѣ въ Москву князя Семена, вмѣсто московскихъ умильныхъ лѣтописныхъ рѣчей, сказано просто: „князь великій отпусти его (кн. Семена), рекъ: нѣтъ ти въ моемъ княженіи мѣста! Князь же Семенъ поиде къ Вяткѣ съ женою и съ дѣтми, и быть тамо пять мѣсяцъ, и преставися“. О болѣзни князя—ни слова.

Какъ раздѣлывалась Москва съ угрожающими ей упорными врагами, показываетъ скоропостижная смерть Шемяки: покушалъ онъ въ Новгородѣ курицы, а на другой день изъ Новгорода летѣлъ уже въ Москву подъячій Бѣда съ вѣстью о смерти Шемяки, „и бысть дьякъ“. Въ Москвѣ, конечно, желали раздѣлаться съ такимъ упорнымъ и безпокойнымъ противникомъ, какъ князь Семенъ, и раздѣлаться такъ, чтобы сдѣлать его безвреднымъ для Москвы. Но раздѣлаться съ нимъ такъ въ Москвѣ, посадить его напр. куда нибудь „въ веригахъ желѣзныхъ,“ какъ его дядю Бориса, было неудобно: Семену данъ былъ „опасъ“—охранная грамота о его безопасности. Когда Семена съ пустой казной спустили за предѣлы великаго княженія, когда онъ пріѣхалъ на Вятку, ему опять могъ оказать помощь Ентякъ, да и самъ ханъ Шадибекъ, за его усердную службу. Можетъ быть самъ великій князь и не желалъ „окончательной“ раздѣлки съ дядей, но ожесточеннымъ врагамъ князя Семена, особенно боярамъ, считавшимъ его своимъ раззорителемъ, такая раздѣлка едва-ли могла быть нежелательною, и тому же Удѣ, который

схватилъ и ограбилъ княгиню Семенову у бессерменина Никулы, легко было войти въ какое нибудь „соглашеніе“ на счетъ князя Семена съ прежнимъ знакомцемъ своимъ—татариномъ Никулой. Была ли скоропостижная смерть князя Семена на Вяткѣ естественною или невольною, это—другой вопросъ; но что какая-то молва объ его смерти дѣйствительно была, и къ этой молвѣ, справедливо или несправедливо примѣшивалось имя татарина Никулы—Микулы, это несомнѣнно: этой молвой объясняются нарочито-усиленные разсказы московскихъ лѣтописцевъ о болѣзняхъ князя Семена и въ Москвѣ и на Вяткѣ, и появленіе въ Москвѣ, вскорѣ послѣ смерти Семена, его союзника и пріятеля Ентяка, который „изобмолвилъ“ татарина Никулу—Микулу, т. е. по мысли лѣтописцевъ, молвилъ напраслину на татарина.

Таково, по нашему мнѣнію, возможное объясненіе загадочнаго лѣтописнаго извѣстія подъ 1403 годомъ о приходѣ въ Москву Ентяка, „изобмолвившаго“ татарина Никулу.

Такимъ образомъ сопоставленіе и сближеніе показаній лѣтописей, дозорныхъ и писцовой книги и другихъ источниковъ, приводитъ насъ къ заключенію, что Суздальскіе князья-изгои Кирдяпа и Семенъ Дмитріевичи, въ послѣдніе годы своей жизни, во время скитанія въ татарскихъ мѣстахъ, проживали и близъ нынѣшняго города Вятки, въ мѣстности, гдѣ недалеко одно отъ другого находились Кирдяпино, Кстинино, Никулицыно, Карино, Бритово, между рѣками Курмыжемъ, Медяной, Пьяной, около устья Чепцы и Хлыновки. Это же сближеніе разныхъ показаній даетъ намъ поводъ къ небезосновательному предположенію о времени поселенія среди „Арскихъ людей“ [1]) татаръ въ Каринѣ и около Карина бесермянъ [2]); но такое предположеніе, конечно, требуетъ даль-

[1]) Татары называютъ вотяковъ „Ари“.

[2]) Приходитъ даже на мысль: искаженныя въ лѣтописяхъ названія мѣстности, гдѣ стоялъ храмъ бесерменина Хази-бабы—Микулы и гдѣ была поимана княгиня Александра—„Чибирца, Бирца, волосцибирцы“ и п., не

нѣйшихъ разслѣдованій и подтвержденій, которыя можетъ быть и найдутся современемъ въ новооткрытыхъ историческихъ актахъ.

Въ какомъ положеніи находились на Вяткѣ Суздальскіе князья-изгои Кирдяпа и братъ его Семенъ? Были-ли они владѣтельными князьями тогдашней русской Вятки? Едва-ли; по крайней мѣрѣ на это не находимъ не только указаній, но даже и намековъ въ лѣтописяхъ и древнихъ актахъ. Конечно, они владѣли тѣми мѣстами, въ которыхъ поселились ихъ спутники, пришельцы на Вятку, набранные ими изъ русскихъ и инородцевъ для своего двора и своей защиты. Что же касается до другихъ русскихъ поселеній въ среднемъ теченіи Вятки, то надобно замѣтить, что такихъ поселеній въ концѣ XIV вѣка было еще очень мало. Русская жизнь на Вяткѣ начинаетъ проявляться только въ послѣдней четверти этого вѣка. Лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ о Вяткѣ подъ 1374 годомъ, когда явился сюда и поселился въ верховьяхъ Ветлуги и далѣе къ югу, въ промежуточной между черемисами и вотяками сторонѣ, довольно сильный отрядъ ушкуйниковъ съ сѣвера, изъ Новгородской области, а въ послѣдующіе годы къ ушкуйникамъ начали присоединяться выходцы и бѣглецы изъ Новгородской же и другихъ областей, почему либо неужившіеся на родинѣ [1]). Невѣроятно, чтобы эти свободолюбивые пришельцы на Вятку добровольно признали Суздальскихъ изгоевъ своими князьями и охотно подчинились имъ; а подчинить такихъ людей недобровольно у Суздальскихъ князей не было ни средствъ, ни способовъ.

По смерти Семена Димитріевича и Василія Кирдяпы,

произошли ли отъ неразобранныхъ писцами или неправильно скопированныхъ словъ въ первоначальномъ, основномъ, лѣтописцѣ: „оусть Чепцѣ (или Цепцѣ) рцѣ“ (рѣцѣ—подъ титломъ), отъ устья которой Никулицыно находится недальше четырехъ верстъ.

[1]) Подробнѣе объ этомъ въ нашемъ изслѣдованіи: „Къ исторіи Древняго Хлынова“ (1904 г., 41—58) и въ „Послѣсловіи“ къ „Повѣсти о странѣ Вятской“ (1905 г., 69—97).

скончавшагося вскорѣ послѣ своего брата, старѣйшимъ изъ Суздальско-Нижегородскихъ князей, къ которому, по принятому тогда старо-княжескому обычаю, должно было перейти Суздальско-Нижегородское княженіе, остался сынъ Бориса Константиновича Даніилъ. Сынъ литвинки Волгирдовны (Олгердовны), онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Иваномъ, прозваннымъ „Тугой-Лукъ“ за свое „богатырство“, отличался замѣчательною энергіей, и освободившись какъ-то изъ „нятства“, т. е. заточенія, въ которое попалъ вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ въ 1392 году, сталъ добиваться возвращенія своей отчины. По разсчету обычному, онъ долженъ былъ получить велико-княжескій столъ въ Нижнемъ, а братъ его Городецъ; но Городецъ великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ былъ отданъ около 1405 года въ крѣпкія руки Куликовскаго героя, брата Донского, Владиміра Андреевича [1]) и его жены Елены, тоже Волгирдовны, тетки Борисовичей; а Нижній еще крѣпче держалъ въ своихъ рукахъ самъ великій князь. Тѣмъ не менѣе Борисовичи повели свою борьбу съ Москвой настоль энергично, что великій князь самъ нетвердо былъ увѣренъ въ томъ, что удержитъ Нижній за собою, и въ первой своей духовной грамотѣ [2]) писалъ условно: „а дастъ Богъ сыну моему держати Новгородъ Нижній“. Не найдя себѣ въ началѣ поддержки въ Ордѣ у хана, благоволившаго къ Москвѣ, Борисовичи стали искать себѣ союзниковъ тамъ же, гдѣ и Семенъ Димитріевичъ,—въ При-Камской Болгаріи; и нашли не одного. Это были—царевичъ Талычъ (Талышъ), князь Жукотинскій и нѣсколько названныхъ въ лѣтописяхъ „Болгарскими“. Съ этими союзниками Даніилъ Борисовичъ зимой 1411 года двинулся на Нижній; на пути къ нему присоединились и князья Мордовскіе. Противъ этой рати изъ Москвы былъ высланъ братъ великаго князя Петръ Димит-

[1]) Собраніе Гос. Грам. и Догов. I, № 38 и 40.
[2]) Тамъ же, I, с. 79.

ріевичъ съ князьями Ростовскими и Ярославскими. Встрѣча противниковъ произошла близь извѣстнаго приволжскаго села Лыскова: 15 января, записано въ лѣтописи [1]), „бысть бой на Лысковѣ князю Петру Димитреевичу Московскому и княземъ Ростовскимъ и Ярославскимъ съ Суздальскимъ со княземъ Даниломъ Борисовичемъ и Нижняго Новгорода и съ его братомъ княземъ Иваномъ и съ Болгарскими князи и съ Жукотинскимъ; и бысть между ихъ сѣча зла, и мнози падоша отъ обоихъ странъ, сташа же на костехъ князи Новгородцкіе Нижняго Новгорода и князи Казанстіи“ (Болгарскіе). Затѣмъ, по занятіи, надо полагать, Нижняго, отрядъ изъ 150 татаръ, подъ начальствомъ царевича Талыча, и другой изъ 150 русскихъ, подъ начальствомъ боярина Даніилова Семена Карамышева, „изгономъ“ въ началѣ іюля налетѣли на Владиміръ, едва не захватили митрополита Фотія, разграбили городъ, не исключая и церквей, и зажгли его, „поимавъ златое и сребряное, и кузнь, и драгоцѣнныя ризы, и безчисленное множество богатства драгое, порты драгіа и вещи многоцѣнныя, яко сѣнныя копны пожегше, немогуще вся та, вземше, съ собою понести, денги же мѣрками дѣлиша межъ собою“ [2]). Благодаря этой Лысковской побѣдѣ и захвату большой добычи, Даніилу Борисовичу удалось въ слѣдующемъ году получить ярлыкъ на Нижегородское великое княженіе отъ хана Джелал-ед-дина (Зелени-Султана), который не благоволилъ къ Московскому великому князю, и съ этимъ ярлыкомъ Даніилъ, какъ великій князь Суздальско-Нижегородскій владѣлъ Нижнимъ по 1414 годъ. Въ этомъ году, какъ видно изъ лѣтописи, находились въ Нижнемъ и удѣльные князья этого великого княженія, братъ Даніила Иванъ Борисовичъ, ихъ племянники—Иванъ Васильевичъ, сынъ Кирдяпы, и Василій Семеновичъ, сынъ Семена Димитріевича.

---

[1]) Никоновской, въ Полн. собр. русскихъ лѣтописей, т. XI, 215.

[2]) Тамъ-же, 46.

Но торжество Суздальско-Нижегородскихъ князей было кратковременно. Въ Ордѣ Джелал-ед-динъ, покровитель ихъ, былъ убитъ Керим-Бердеемъ, а у новаго хана не замедлилъ добыть ярлыкъ на Нижегородское великое княженіе великій князь Московскій [1]). Собравъ сильную рать на Суздальско-Нижегородскихъ, засѣвшихъ въ Нижнемъ, князей, Василій Димитріевичъ послалъ теперь (1414 г.) противъ нихъ на Нижній не слабаго брата Петра, проигравшаго битву на Лысковѣ, а старшаго изъ своихъ братьевъ, уже славнаго своими побѣдами, побѣдителя Ентяка, Юрія Димитріевича Галицкаго. Лѣтописи московскія, враждебныя Юрію, не говорятъ ничего о результатахъ похода Юрія; но въ Тверской лѣтописи [2]) сохранилось извѣстіе, что Юрій „выгналъ" изъ Нижняго, родовой ихъ отчины, тамошнихъ князей и „прогналъ ихъ за Суру", т. е. за предѣлы Нижегородскаго княжества, въ Мордовскую землю, хотя и не преслѣдовалъ своихъ противниковъ далѣе Суры, вѣроятно потому, что они „вборзѣ утекали", уже съ легкимъ багажемъ.

Лишенные средствъ продолжать борьбу князья принуждены были мириться съ великимъ княземъ Московскимъ, и въ 1417 году оба Борисовичи, а еще раньше ихъ племянникъ Иванъ Васильевичъ, сынъ Кирдяпы, явились въ Москву съ повинною; неизвѣстно только, пріѣхалъ-ли съ ними вмѣстѣ и Василій Семеновичъ, сынъ Семена Димитріевича. Иванъ Васильевичъ Кирдяпинъ въ слѣдующемъ году умеръ въ Москвѣ; а въ 1418 году Борисовичи почему-то оба опять бѣжали изъ Москвы [3]).

Гдѣ же эти, бѣжавшіе отъ московскаго „нятства", князья-изгои находили себѣ хотя временный пріютъ во время своихъ скитаній внѣ родины? Вѣроятно, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, проживали и на берегахъ р. Вятки въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя нами указаны выше,

[1]) Тамъ же, 219.

[2]) Въ Полн. Собр. русскихъ лѣтописей, XV, 487.

[3]) Экземплярскій: Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси, II, 438

или въ ближайшихъ къ нимъ, а также въ сосѣднихъ съ слободами и другими поселеніями, основанными раньше пришельцами изъ области Новгорода Великаго. О Васильѣ Семеновичѣ мы уже знаемъ, что онъ и по смерти отца оставался на Вяткѣ съ матерью, и вѣроятно продолжительное время: объ немъ упоминается только разъ въ лѣтописяхъ, именно сказано, что онъ проживалъ въ Нижнемъ въ 1414 году, во время краткаго великаго княженія тамъ Даніила Борисовича, и такое полное отсутствіе какихъ либо указаній на появленіе его въ Суздалѣ, Городцѣ, Шуѣ, даетъ основаніе полагать, что до покоренія великому князю онъ спасался въ родительскомъ гнѣздѣ на Вяткѣ. Въ родное же гнѣздо „Кирдяпино", вѣроятно, спасался отъ Москвы, во время скитаній за предѣлами своей „отчины", и Иванъ Васильевичъ, сынъ Кирдяпы. Что же касается Борисовичей, то обращаетъ на себя особенное вниманіе ихъ довольно непонятное бѣгство въ 1418 году, вскорѣ послѣ „покоренія" ихъ великому князю и примиренія съ нимъ. Оно какъ разъ совпадаетъ съ тѣми странными и доселѣ неразъясненными событіями, которыя случились на Вяткѣ въ указанномъ году. На Вяткѣ произошелъ „агѣй", т. е. вѣроятно „агенъ" или „агонъ", борьба, побоище, какъ записано въ одной изъ лѣтописей [1]), о которомъ и до сихъ поръ сохранилась память въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Вяткѣ. Пришли на Вятку въ большомъ числѣ Устюжане, во главѣ съ извѣстнымъ Двинскимъ бояриномъ Анфаломъ Никитинымъ, заклятымъ врагомъ Великаго Новгорода, передавшимся на сторону великаго князя Московскаго, любимцемъ Устюжанъ, которые отличались тоже приверженностью къ Москвѣ. Нашествіе Устюжанъ на Вятку въ 1418 году, несомнѣнно, состоялось по мысли Московскаго правителя, который „благословилъ" Устюжанъ вятскими угодьями и разсчитывалъ разселеніемъ въ довольно-пустынной тогда Вяткѣ мирныхъ и

[1]) Въ Новгородской второй.

приверженныхъ къ нему новыхъ Устюжскихъ поселенцевъ укротить «буесть» первоначальныхъ безпокойныхъ поселенцевъ на Вяткѣ изъ области Великаго Новгорода. Но поняли ли Вятчане сами такой «подвохъ» Москвы и Устюга, или участвовали въ разъясненіи имъ подвоха враги Москвы, только Вятчане перебили весьма много Устюжанъ около Котельнича и нын. города Вятки и въ другихъ мѣстахъ. Лѣтописи ничего не говорятъ объ участіи въ побоищѣ 1418 года на Вяткѣ князей-изгоевъ; но устраненіе съ Вятки приверженныхъ къ Москвѣ Устюжанъ было, конечно, въ интересахъ этихъ князей, а появленіе на Вяткѣ въ этомъ году бѣглецовъ Борисовичей болѣе чѣмъ вѣроятно.

Но и на Вяткѣ Суздальско-Нижегородскіе князья встрѣтили того же противника, который уже дважды изгонялъ ихъ изъ Нижняго и изъ Нижегородского великаго княжества. Можетъ быть послѣ 1414 года, какъ бы въ награду за изгнаніе Даніила Борисовича и его сородичей изъ Нижняго, а можетъ быть и раньше, Василій Димитріевичъ Московскій «отдалъ» Вятку старшему изъ своихъ братьевъ Юрію Димитріевичу Галицкому. Договорная грамота великаго князя съ братомъ Юріемъ, которою отдана Вятка Юрію, не сохранилась; но о ней рѣшительно упоминается въ договорной грамотѣ Василія Темнаго съ дядей Юріемъ, писанной 11 марта 1428 года [1]). Этой послѣдней договорной грамотой Темный обязывался предъ дядей: «что тебя князя Юрья Дмитріевича пожаловалъ отецъ мой князь великій Василей Дмитреевичъ Вяткою и съ слободами и со всѣми мѣсты, намъ (Темному и его младшимъ братьямъ) въ Вятку невступатися и подъ твоими дѣтьми, а тебѣ князю Юрію Дмитреевичу держати Вятка по отца моего грамотѣ великаго князя Василья Дмитреевича». Княженіе на Вяткѣ Юрія Димитріевича оказалось болѣе дѣйствительнымъ и ощутительнымъ, чѣмъ князей Суз-

[1]) Собр. Госуд. Гр. и Догов., I, 86—88.

дальско-Нижегородскихъ. Уже въ 1417 году Вятчане, по требованію Юрія, подъ начальствомъ его боярина, послушно приняли участіе въ опустошеніи Заволочья, волостей Борецкихъ, Холмогоръ, и съ тѣхъ поръ оказывались всегда усердными слугами Юрія. Сыновья и внуки ушкуйниковъ, первоначальныхъ русскихъ поселенцевъ на Вяткѣ, повидимому, смотрѣли на Юрія, какъ на героя, почитали въ немъ побѣдителя Болгаріи, и по его указанію охотно шли къ нему на помощь противъ его непріятелей. Въ борьбѣ Юрія съ Темнымъ за великокняжескій престолъ они принимаютъ постоянное и рѣшающее участіе, благодаря своей находчивости и обычаю дѣйствовать стремительнымъ натискомъ, «изгономъ, искрадомъ». Такъ напр. въ 1433 году, съ сыновьями Юрія Косымъ и Шемякой, они, несмотря на свою малочисленность, разбиваютъ большую рать Темнаго на р. Куси и «емлютъ руками» великокняжескаго воеводу Патрикеева. Въ 1434 году, съ самимъ Юріемъ Димитріевичемъ, вмѣстѣ съ галичанами, въ Лазареву субботу опять разбиваютъ рать Темнаго за Ростовомъ, а въ страстную среду являются уже подъ Москвой, и Юрій «садится» на великомъ княженіи. Съ такою же готовностію и усердіемъ служатъ Вятчане и сыновьямъ Юрія Косому и Шемякѣ. Неразъ они принимаютъ участіе въ битвахъ Косого съ ратями Темнаго, а въ 1436 году у Ярославля, на устьѣ Которосли, прокрадываются ночью въ шатеръ Ярославскаго князя, собравшаго семитысячную рать противъ Косого, хватаютъ князя съ княгиней и изчезаютъ съ ними по Волгѣ, въ виду всей рати [1]). Несмотря на то, что Шемяка еще въ 1434—1436 годахъ, какъ видно изъ договоровъ его съ Темнымъ [2]), обязывался предъ послѣднимъ «въ Вят-

[1]) Не приводимъ здѣсь другихъ лѣтописныхъ извѣстій объ участіи Вятчанъ въ борьбѣ Галичскихъ князей съ Темнымъ: ихъ много собрано въ изданныхъ нами „Сказаніяхъ русскихъ лѣтописцевъ о Вяткѣ“ (1905 г.). Исторія этой борьбы есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія Вятчанъ во второй четверти XV вѣка.

[2]) Собр. Госуд. Грам. и Догов., I, 110—130.

ку не вступатися», Вятчане сохраняли съ Шемякой самыя близкія отношенія и, по свидѣтельству самого митрополита Іоны [1]), «многажды приставали къ недругу князя великаго Василья Васильевича и издавна соединялись со княземъ Дмитріемъ съ Шемякою».

При такихъ отношеніяхъ между Вятчанами, съ одной стороны, и Юріемъ Димитріевичемъ и его сыновьями, съ другой, для князей Суздальско-Нижегородскихъ, какъ говорили они сами, «было на Вяткѣ неверемя». Едва ли въ этотъ періодъ времени кто нибудь изъ нихъ и проживалъ здѣсь; лишенные послѣдняго убѣжища во время своихъ скитаній внѣ родныхъ мѣстъ, они волей-неволей должны были покориться Москвѣ.

Успѣхи Шемяки въ борьбѣ съ Темнымъ и несчастія послѣдняго дали Суздальско-Нижегородскимъ князьямъ нѣкоторую надежду на возвращеніе имъ ихъ «прадѣдины» — Нижегородскаго княжества. Съ другой стороны и Шемяка, чтобы добыть себѣ великое княженіе, нуждался въ князьяхъ союзникахъ и пособникахъ. Старшими въ родѣ князей Суздальско-Нижегородскихъ въ это время оказались внуки Кирдяны Василій и Ѳедоръ Юрьевичи; съ ними-то Шемяка вошелъ въ соглашеніе и заключилъ договоръ, указанный въ началѣ нашего труда. По этому договору Шемяка, «когда Богъ дастъ ему достать великое княженіе», обязался предоставить Василію и Ѳедору Юрьевичамъ Нижній, Городецъ, Вятку, и отобрать у Ивана Андреевича Можайскаго Суздаль, который передъ тѣмъ самимъ же Шемякой былъ отданъ Можайскому. Братьямъ предоставлялось Шемякой даже право непосредственнаго сношенія съ Ордой, помимо великаго князя. Въ концѣ договора [2]) было сказано: «а что гдѣ грабили и наши (Юрьевичей) люди

---

[1]) Въ извѣстномъ посланіи къ Вятчанамъ, напечатанномъ въ „Актахъ Истор.“, I, 490.

[2]) Собр. Гос. Грам. и Догов. I, 137.

въ твоей (Шемякиной) отчинѣ въ великомъ княженіи, тому всему дерть по та мѣста, какожо Богъ дастъ ти (Шемякѣ) достати великого княженья». Но есть основанія полагать, что договорная грамота писана тогда, когда Шемяка (въ 1447 г.) уже долженъ быть оставить Москву и затѣмъ великаго княженія не добылъ, стало быть и не могъ помочь Суздальско-Нижегородскимъ князьямъ возвратить себѣ отчину. Послѣднимъ договорная грамота не могла принести никакой пользы, и Юрьевичи Новгородскаго великого княженія не добыли, а потомъ, по договору съ Темнымъ, вступили во владѣніе Суздальско-Шуйскими волостями, какъ простые вотчинники [1]). Изъ нихъ Василій Юрьевичъ былъ на службѣ въ Великомъ Новгородѣ, а Ѳедоръ Юрьевичъ долго въ 1460—70 годахъ служилъ во Псковѣ. Проживали ли они послѣ договора съ Шемякой на Вяткѣ, сомнительно.

Общій выводъ изъ сказаннаго выходитъ такой: Суздальско-Нижегородскіе князья проживали и на Вяткѣ, во время своего изгойства и скитаній за предѣлами своихъ отчинъ; владѣли они на Вяткѣ нѣкоторыми мѣстностями, но всею русскою Вяткою не владѣли, и владѣтельными «Вятскими князьями» назвать ихъ не приходится, хотя нѣкоторые изъ нихъ оказывались претендентами на владѣніе Вяткой. Особой памяти о себѣ они на Вяткѣ не оставили, но все же оказали услугу Вяткѣ тѣмъ, что привели съ собой немало русскихъ людей и приняли участіе въ колонизаціи русской Вятки въ начальный ея періодъ.

А. В—нъ.

[1]) Экземплярскій: Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси, II, 245, 439.

Печатано по распоряженію г. Предсѣдателя Вятской Ученой Архивной Коммиссіи.

Вятка. Типографія П. Д. Харитонова.